

П. ПУТИЛОВ.

ИЗ ПУТЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ САРТ И РУССКИХ.

Вступление. Одинаковая, почти везде, одежда русского солдата, как и одинаковая везде пища, несмотря на большое разнообразие климатов во всей России (иногда, напр., на севере, даже не вполне достаточная по количеству жиров), не могут не служить, рядом с прочими обстоятельствами, весьма вескими причинными моментами, поддерживающими болезненность и смертность русской армии на высокой цифре.

Пять лет тому назад, здесь, в Омском госпитале, я натолкнулся на мысль, что грудные заболевания в войсках, наблюдаемые преобладающе в первые годы службы, зависят частью: 1) от простуды в течение первого года службы, когда новобранцы, привыкшие всю свою жизнь ходить по зимам в теплой одежде, вдруг среди самого холодного времени года (иногда даже в январские морозы), переодеваются из теплой крестьянской одежды в холодную солдатскую, а частью 2) и вообще от, недостаточной у нас в Сибири по климату, одежды солдат и в остальное время их службы.

Дальнейшие наблюдения еще более утвердили меня в той мысли, что во внезапном зимнем переодевании, как первом и сильно ослабляющем моменте, кроется причина многих заболеваний, из году в год и почти повсеместно у новобранцев наблюдающихся. Для подтверждения сказанного цифровыми данными мною, с разрешения Его Высокопревосходительства Командующего войсками округа, в настоящем году совершена была поездка от Тобольска до Ташкента (с партиями новобранцев), где я в больших попутных городах за 5 последних лет собирал данные по скорбным листам лечебных учреждений и отчетам других и, где есть, собирал метеорологические данные.

Благодаря просвещенному содействию председателя Западно-Сибирского отдела И. Ф. Бобкова, снабдившего меня письмами к разным лицам и учреждениям, я встретил всюду самое любезное внимание и самую деятельную помощь при собирании материалов по медицинской географии, статистике и этнографии двух смежных краев.

Материал получился настолько обширный, что для обработки его потребуется порядочное количество времени, которого я еще пока не имею в своем распоряжении. Поэтому-то мое настоящее сообщение и не будет касаться главной задачи моего путешествия, а даст только мимолетные заметки по разным предметам, останавливающим на себе внимание врача-туриста.

Я кратко здесь остановлюсь на жизни туркестанских городов преимущественно со сравнительной медико-этнографической, насколько возможно, в одно и тоже время, внешней и внутренней стороны.

Рядовой и обер-офицер туркестанского линейного батальона (походная и обыкновенная форма). 1877

Об акклиматизационной способности русских в Туркестанском крае. Бывавшие в местностях Туркестанского края, особенно в первый раз, поражаются мелькающей пестротой населения, в которой усматриваются два главных типа: русский и сартовский, — на них и придется остановиться. Русский человек, как это бросается постороннему в глаза, в усиленной теплоте этих стран разнеживается, покрывается бóльшим запасом подкожного жира, увеличивается в росте и прочих размерах, словом, в массе, каковой кажется, напр., войско, представляет, особенно в воображении сарт, импонирующую красоту и непоколебимую силу. В самом деле, можно залюбоваться на цветущие лица и могучие груди и удивляться сильным голосам туркестанских солдат, когда они идут с песнями по улицам, богатым резонансом. Местные офицеры рассказывают, что уже через год молодые, находящиеся еще в периоде роста скелета туркестанские солдаты значительно вырастают из своих сюртуков, благодаря быстрому общему физическому усовершенствованию их под влиянием климата. Но это только одна часть русского населения и одна сторона его — внешняя и условная. За ней скрывается внутренняя

сторона, несколько иного свойства, статистически свидетельствующая еще слабое место русской народности в деле акклиматизации. Статистика эта говорит, что значительная часть туркестанских новобранцев является в край уже с ослабленной организацией. И в самом деле, преимущественно северяне по происхождению и преимущественно люди первых трех годов службы составляют в Туркестанском крае преобладающий % общего числа уволенных от службы и умерших по грудным заболеваниям. Действительная и немаловажная причина этого явления, уменьшающая акклиматизационную способность русской молодежи в новом краю, должна корениться в недостаточной одежде туркестанских новобранцев на холодной их родине, во внезапном приучении к холоду путем переодевания из привычных шуб в изношенные, старые, прозрачные шинели, иногда среди самых сильных зимних холодов, — приучении тем более не достигающем цели, что вся последующая служба их должна пройти в теплой и почти жаркой климатической полосе, совершенно непривычной для северян.

К слабой стороне акклиматизационной способности русских в Туркестанском крае нужно отнести и громадную заболеваемость солдат кишечными расстройствами, по сравнению с туземцами.

В. В. Верещагин. Туркестанский солдат в зимней форме. 1873

Кроме военного сословия в Туркестанских городах есть еще довольно большое русское ремесленное, мещанское и торговое население, по-видимому, ничем особенным для постороннего проезжего наблюдателя не выдающееся.

В общей же сумме всей жизни русских в этих краях, однако, — одно общее, не ускользающее от внимания, явление — недостаточная еще акклиматизация русских с физической стороны. Причина этой неполноты акклиматизации — сильный жар, чрезмерная яркость солнечного света, не свойственная среднему русскому организму, исторически, в массе поколений, воспитанному в прохладных и тенистых равнинах, и, вероятно, недостаточная приуроченность к климату в пищевом режиме.

Акклиматизационная способность сарт. Сарты, как коренное население, представляют национальность, вполне в данных местностях приспособившуюся. По строению своему не отличающиеся особенной крепостью и физической силой, они в своем родном климате являются весьма выносливыми в отношении климатических резкостей. С каким удобством сарт прячет свою, догола бритую, голову постоянно в толстую чалму, ища в ней прохлады, с таким же он вполне обнажает ее, при случае, на самом ярком солнечном припеке. У русских же нередки головокружения даже с покрытой головой под влиянием яркого света и гнетущего зноя. Для русского очень тяжел безветренный, стоячий зной, которого дома у себя на Руси он почти никогда не испытывал. Сарт не ищет тени с такой жаждой, с какой ищет ее русский. В случае чрезмерных жаров рабочий сарт разоблачается совершенно, оставаясь в одних шароварах; русский же рабочий до конца работает в одежде, жалуясь на то, что нет у него в этом климате уже той силы, которую он проявлял у себя дома, что сила у него здесь выходит «пóтом».

Существенные их орудия, способствовавшие акклиматизации. Чтобы приспособиться к климату, конечно, немало было для этого, опытом сартовского народа, употреблено многовекового труда, и в числе приспособительных средств оказались на первом плане, конечно, простые и распространенные орудия производства, сообразная одежда и пища. Что касается одежды, то мы уже упомянули о важном значении толстого головного убора сарт, и присоединим еще массивный пояс, закутывающий живот подобно тому, как закутывают его турки и болгары. Кто видал, как турок долго вертится стоя, наворачивая на себя широкий, в несколько аршин длины, пояс, тот даже удивится, на первый раз, его величине. (Мы знаем, что в поясе и за поясом турок и болгарин прячут и деньги, и разное оружие, и вещи). Болгарский доктор Стефанович этому большому поясу приписывает важное значение: отсутствие его у болгарских солдат приписывает усиленное заболевание желудочно-кишечными расстройствами. Не придется ли здесь искать некоторого объяснения и для усиленной болезненности кишечника туркестанских солдат?

Что касается рабочих инструментов, то хорошо устроенный инструмент сберегает физическую силу на более долгое время, дает больше досуга и восстанавливающего отдыха и свободы для мозговой деятельности, а сообразная пища сберегает самое здоровье. Далее, хорошо устроенный ручной инструмент должен способствовать наибольшему мышечному усовершенствованию. Таковыми, во многих отношениях, являются топор и лопата сарта, устроенные по одному типу «кетменя», т. е. длинного рычага с перпендикулярным к нему куском заостренного железа. Длина рычага, дающая большой размах, дает наибольший результат и требует наименьшей частоты ударов, а наибольшее применение при этом разнородных мышечных групп ведет к наибольшему развитию груди, которая действует при этом совершенно свободно.

Инструменты этого типа особенно сослужили службу сартам в борьбе с каменной почвой, перед которой наш заступ и сила его удара оказались бы ничтожны. В силу этого же умозаключения и в войсках Туркестанского края введены, как говорили мне, по этому же типу, инструменты для саперов. И удивительно ли, что у нашего плотника, работающего своим русским топориком, сослужившим когда-то незаменимую службу в исторической борьбе с первобытными лесами, выходит на жару Средней Азии вся сила «пóтом» и что сарт своим длинным топором размахивает тихо и вяло, но весьма споро и долго и, видимо, не устаёт?! Сюда еще нужно присоединить и то, что при земляных работах нашим русским заступом грудная клетка вовсе так не расширяется, а, напротив, от упора заступа в области нижнего конца грудины, она сдавливается, что мешает правильному акту дыхания. Этого ничего нет при работе кетменем. Словом, работа сартовскими топором и лопатой является производительнее, чем русскими соответствующими орудиями. Я должен сказать еще, что «кетмень» явился великим пособником арычной системы орошения и, таким образом, двигателем степного земледелия.

Результат. В конце концов одно сбережение сил, при помощи инструментов, повело к другому сбережению сил и средств и т. д., а это и поставило сарт, конечно, в связи еще с питательным приношением и приношением в одежде, на высоту приспособления к природе своей родины, в результате чего они явились хозяевами страны в действительном смысле акклиматизации, выработав себе спокойный и веселый нрав, образцовое трудолюбие и умеренность потребностей, дающую возможность сильной заработной конкуренции. Сохраняя физическое благосостояние при всех лишениях суровой, почти первобытной жизни, они обнаруживают известное индустриальное превосходство, выражающееся в замечательной сметливости, сноровке, практичности и даже изобретательности. Это дает им право говорить, что они киргиз многому выучили в свое время, когда киргизы были совсем в диком состоянии, выучили их даже защищаться, дали им лучшее оружие.

Общий характер сарт. О благоприятном влиянии в жизни сарт пищевого приспособления, а также приспособления в одежде, мы будем говорить вскоре. А теперь продолжим об общем впечатлении, производимом этим народом. Они имеют много общего с турками, как в наружности, так и в одежде, в любви к природе, напр., к садоводству и цветоводству, с той разницей, что турки народ более сдержанный, флегматичный, более гордый и спокойный, но и более честный в разных сделках и торговле. Сарты же представляются довольно живы, болтливы, довольно легкомысленны, весьма изворотливы и с порядочной склонностью надуть в торговле и разных других делах. В привычках своих к верховой езде они резко разнятся от турок и примыкают к своим соседям и сожителям — киргизам.

В. В. Верещагин. Мулла Керим и мулла Рахим по дороге на базар ссорятся. 1873

Пищевое климатическое приспособление сарт и русских. Теперь перейдем к вопросу о пище сарт рядом с пищей тамошних русских. Пища сарт преимущественно растительная и очень умеренная — то мучнистые лепешки, то фрукты. Пища сарт изобилует пряностями вроде перца и т. д. Хотя и явилась недавно одна медицинская кабинетная работа, не особенно одобряющая пряности [«Материалы к диететике остр. вкусовых св.», дисс. Буржинского 1887 года], но она произведена отчасти на животных, а отчасти не приняты во внимание климатические особенности в деле питания, и поэтому все-таки еще в силе остается мнение, составляющее плод обычных наблюдений над людьми. И это тем более, что сам автор неоднократно ссылается на свою неполноту и желает новых исследований по тому же предмету. А наблюдения говорить, что перцу надо отдать справедливость, что, в обыкновенном даже нашем климате, люди с вялым пищеварением инстинктивно прибегают к острым вкусовым веществам: горчице, перцу и проч. Врачи, в минувшую войну в Болгарии и Румынии, вынесли убеждение, что в жаркой полосе перец в изобилии является задерживателем кишечных катаральных брожений. Для нас, русских, во время пребывания там красный перец в изобилии очень казался приятным, а когда мы вернулись на родину, то перцовые блюда нам стали противны. Можно думать, что пряности в пище сарт в известной степени действуют в пищеварительном канале противугнилостно, увеличивая выделение желчи, как намекает экспериментальная работа д-ра Чельцова (Еженед. клиничес. газета, 1886 г., №№ 16, 17 и 18).

По климату Болгария и Туркестанский край очень сходны. Пища сарт преимущественно растительная и очень умеренная: то мучные лепешки, то разные фрукты в изобилии, и немного мяса. Обычное питание болгар, выработанное климатически, выражается в их поговорке: «малко мяса, больше ляба и много винка». И поэтому трудно было болгарским дружинникам есть летом введенную русскими 1) непривычную, а 2) жирную мясную пищу с гречневой жирной кашей. Какие гримасы делали «братушки» от запаха жирных щей и в каком бессилии иногда опускались руки, протянутые к этой пище! А потом вскоре начали раздаваться у них жалобы на кишечные расстройства.

Известно, что мы также, живя даже в северном климате, летом едим мясного и жирного по необходимости гораздо меньше, чем в холодные времена года, и что гораздо скорее в летнее время платимся за неосторожность — в виде пресыщения очень питательной мясной и жирной пищей, вероятно, в зависимости от наибольшего брожения в кишечнике в жаркое время. Известно, что жители холодных стран съедают много мяса и жира, даже безнаказанно пьют жир (эскимосы и др.).

В. В. Верещагин. Русский лагерь в Туркестане

Все это параллельно упоминается мною постольку, поскольку несомненно убеждает в климатическом особенном пищевом приспособлении, которому обязательно придавать значение во избежание вредных последствий. Что касается преобладающей части русского населения Туркестанского края, именно солдат, то изобильная мясная пища их летом, по случаю лагерного времени, снабжается еще большим обилием мяса и жиров. Естественно думать, что для жаркой полосы такая пища, одинаково пригодная и для холодного севера, и для зимнего сезона, в полном ее составе, может вести к некоторому обременению [подмеченный факт об увеличении птомаинов в жаркое время в мясе

следует тоже принять к сведению]. И действительно, сравнение двух питаний приводит нас к сравнению двух результатных явлений: сарты почти не болеют поносом — даже у них скорее бывают запоры, русские же туркестанские солдаты представляют огромную болезненность в виде поносов, особенно летом, что, едва ли не по ошибке, приписывается другим влияниям, напр., миазматическим и влиянию зелени — влияниям, под которыми живут и сарты, истребляющие безнаказанно массу фруктов и пьющие нечистую арычную воду.

Возбуждающие и одуряющие вещества сарт и русских. Теперь, по естественному порядку, от пищи перейдем к употреблению различных одуряющих веществ. Самый лучший народ может немало утратить своих достоинств в зависимости от привычек к тем или другим одуряющим веществам. К сожалению, в этом отношении сарты оказались с немалой и, вероятно, давнишнею склонностью. Насколько в Семиреченской области заметно секретное проникновение из Китая опия между киргиз, напр. ямщиков (что касается ямщиков-киргизов, то приходилось встречать опьянелых, полусонных, едва двигающих языком опиофагов) — настолько, и еще более откровенно, в городах Туркестанского края, на базарах, в открытых лавках слышится из курильных приборов, переходящих из рук в руки, запах наш́ — гашиша (при некотором сосредоточении внимания прохожих русских приборы эти, заметно, отставляются подальше). О распространении гашиша видеть можно в одном из недавних отчетов Ташкентского военного госпиталя, где один врач перечисляет ряд сортов гашиша, употребляемых в народе. Сюда должно отнести еще разные сладкие лепешки и конфеты с гашишем. Разумеется, весьма бы интересно, зная очень дурные последствия от гашиша, остающиеся в психической сфере потребляющих, — иметь сведения, как численно выражается количество психопатов преимущественно от курения гашиша. Но здесь мы не имеем никаких сведений, вероятно, потому, что душевнобольные считаются у сартов за материал неприкосновенный, за лиц святых, «дувана» — юродивых, да, кроме того, прибавим, что дело народной сартовской медицины крепко держат в руках их знахари, называющиеся «сартовскими докторами». А от них ничего не узнаешь. В русских же больницах психиков сартов почти нет, потому что и вообще еще сарты только начинают знакомиться с русским лечением.

Другое наркотическое средство — табак под именем «насва́й», особенно любимый киргизами, применяется и у сартов. Его кладут, в молотом виде, за щеку и, по-видимому, потом проглатывают. Такое применение опьяняет на несколько минут. (Говорят, что и тут иногда не без примеси опия, особенно у киргиз). Кроме того, этот же «насвай» вводится иногда в состав лакомств вроде «халвы», обнаруживающей поэтому слабительное действие. Что касается табачного производства на месте, то ко всей массе, написанной в последнее время о вреде курения, могу присоединить свои личные наблюдения: верненский и ташкентский табак у некоторых непривычных вызывает остановку дыхания и замедление и неправильность сердцебиения и бессонницу. Не действует ли он так же и на туземцев?

В. В. Верещагин. Опиумеды. 1868

Поскольку туземные наркотические средства проникают и к русскому населению, судить трудно, но я слышал об отдельных случаях привычного уже употребления опия и гашиша у некоторых солдат. Что касается обратного воздействия русских одуряющих средств, то в Ташкенте между сартами, как и в степи по станциям, между киргизами, к сожалению, спиртные кабачные напитки начинают уже заметно производить свое вредное действие. Сарты не только пьют, но даже начинают пьянствовать с увлечением новичков, что тем более печально, что они, согласно Корану, пьют не вино, запрещенное им, а водку, о которой в Коране ничего не сказано. Масса пьяных сарт, народа вообще обычно весьма трезвого и воздержного, гуляла по улицам в народный праздник в Ташкенте, праздновавшийся с окончанием летнего поста. Но к характеристике нравов я должен упомянуть и об особенном трогательном участии к подкутившим забиякам со стороны остальных, трезвых сарт, которые их оберегали и водили под руки. Бурных и безобразных сцен столкновения с уличными блюстителями порядка не видно было, вероятно, потому, что в Ташкенте преимущественно своя туземная полиция.

Но посмотрим, нет ли в местной производительности Туркестанского края явлений, смягчающих вкус потребителя, облагораживающих его склонности к возбуждающим и одуряющим веществам? К числу этих явлений можно бы отнести заметно возрастающее потребление виноградного вина и расширение разведения винограда. На самом деле

здесь виноградные вина должны сделаться господствующим напитком. В Чимкенте, напр., содержатель единственного винного погреба не знает, кому сбыть разные российские хереса и мадеры, вишневки и киевские наливки (мADERу отдает за 80 к. бутылку, чтобы только сбыть товар), потому что начинает преобладать спрос на туземные вина, в числе которых лучшие филатовские самаркандских садов. Только одна наша «очищенная» под различными наименованиями: «Столовой», «Славянской», «Плевны» и проч. не падает в спросе, несмотря ни на какие климатические и бытовые условия. Но это-то самое и указывает на привычку наших потребителей к крепким спиртным изделиям. И вот, вероятно, из угождения такому вкусу публики, туземное виноградное вино заметно сдабривается спиртом. стакан болгарского, венгерского, астраханского или крымского вина пьется с удовольствием и действует оживляющим образом, стакан же ташкентского (самаркандские вина меньше сдобрены) положительно одуряет и вкусом напоминает водочное изделие. Говорят, что будто бы наши заводчики не умеют иначе сохранять виноградного вина от закисания в столь жарком климате. Таким образом, я вынес убеждение, что виноградные вина Туркестанского края, по их различной крепости, преимущественно разнятся благодаря %-м спирта, привходящего извне, чем они иногда и уподобляются, по жгучему, царапающему или сильно вяжущему и вертящему вкусу, разным наливкам. И если мы слышим похвалы, то эти похвалы нужно относить только к сортам, наиболее пощаженным от посторонней прибавки спирта, попадающим на столы избранных или на выставки. Я должен сказать, что филатовские вина оказывались более близкими к истине и, относительно их, мною замечено очень благотворное влияние на свежезаболевших слабительным расстройством кишечника. Достаточно было давать таким больным только чай с вином — и выздоровление наступало быстро. Такое лечение, конечно, является весьма удобным в походе и быстрым по сравнению с нашим обычным.

Самаркандскія
виноградныя Вина
и Шампанское
собственныхъ виноградииковъ
Коньячный и Водочный заводы.
Заведеніе искусственныхъ, минеральныхъ и фруктовыхъ водъ
Коммерціи Советника
Ф. Л. Ф. И. Л. А. Т. О. В. А.
въ Самаркандѣ.
Произведенія удостоены высшими наградами.
Фирма существуетъ съ 1868 г.

Рекламное объявление из «Путеводителя по Туркестану» (1912)

Рассмотрев кратко жизнепонижающие влияния в виде употребления тех или других одуряющих веществ, я должен сказать, что этим еще не исчерпываются токсикологические условия, в которых стоит население данной местности. Возьмем народную медицину, остановившуюся на временах арабской, индийской и китайской, с массой неизвестных, лишних, темных и прямо вредных средств, распродаваемых в открытую. Одних стрихнинных семян, или чилибухи, поедается немалое количество. Д-р Батаршин говорил мне о недавнем случае отравления чилибухой с наступлением общих судорог у ребенка.

Aphrodisiaca. Есть вероятие, что чилибуха употребляется нередко как aphrodisiacum слабыми и стариками. Фармакологи (Нотнагель) говорят, что некоторыми подмечено благоприятное, тонизирующее действие стрихнина при prolapsus ani, incont. urinae и других параличных явлениях. Можно думать, что он тонизирующе несколько действует на musculi ischiocavernosi, играющие немаловажную роль в генитальной жизни. В Ташкентском госпитале недавно лежал сарт, отравившийся шпанскими мухами, которые он чуть ли не ежедневно принимал, и только однажды поусердствовал, и потому сильно заболел и попал на койку. Наливкин в своей книге «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» говорит о частом употреблении сартами внутрь шпанских мух (или, как они называют, «шампанской мох») в виде aphrodisiaca. Масса пряностей и разнообразных национальных кондитерских изделий с ними тоже, вероятно, рассчитаны на некоторые влияния, хотя сомнительные.

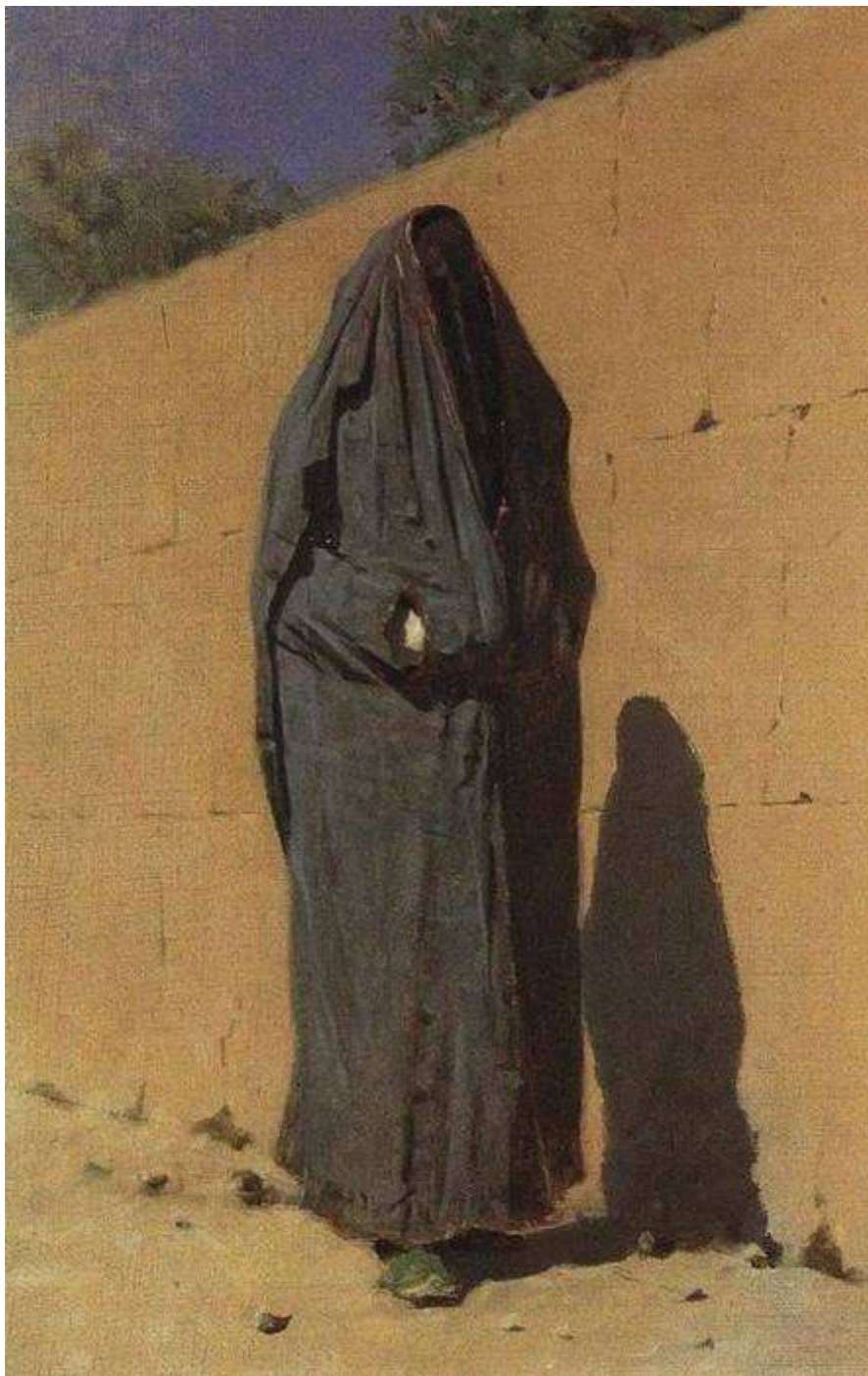
Причины их распространенности. Чем объяснить замеченное изобилие средств, слывущих обыкновенно за aphrodisiaca и укрепляющие? Задавая себе такой вопрос, мы уже прямо входим, так сказать, в область моральной патологии сартовского народа. Чем же объяснить сказанное изобилие? Во-первых, отсталостью медицинских понятий данного народа, а во-вторых, действительной, вероятно, частотой ослабления, вызывающей помысел о таких средствах. Причина этих ослаблений, вероятно, лежит в хроническом злоупотреблении опиумом и гашишем.

Последствия опиума и гашиша. Известно, что непосредственное влияние гашиша на людей Востока выражается в возбуждении эротической фантазии, за чем и должно последовать, при долгом употреблении гашиша, уже совершенно обратное, как и у алкоголиков. Но злоупотребление опиумом и гашишем имеет еще и другую сторону. Оно, путем психопатического мозгового вырождения, может иногда вести к древнему пороку Ваал-Фегора, прославившему Калигулу, Гелиогабала, Нерона и Адриана, за который римского Цезаря прозвали как *omnium mulierum virum et omnium virorum mulierem*, о котором Корнелий Непот говорит, что «*laudi in Graecia dicuntur adolescentulis multos habere amatores*», и который от древних персов перешел и в рассматриваемую нами местность, где откровенно «батчи» сопровождают седых и почтенных на вид аксакалов и танцуют на их пирушках.

В. В. Верещагин. Бача и его поклонники. 1868. (Картина была уничтожена художником, после того как парижская публика сочла ее «неприличной»)

Целый *circulus vitiosus* явлений жизни сартовского народа, вероятно, связан с вышесказанной аномалией, причины которой также лежат иногда в болезнях психических, наследственных или свойственных старческому возрасту, а иногда и в другой, предшествующей ослабляющей аномалии, знакомой закрытым заведениям; да, кроме того, в продолжительном безбрачии, благодаря бедности, в изоляции полов друг от друга, даже в унижительном восточном мусульманском взгляде на женщину как на рабу или низшее животное, в угнетенном и загнанном ее положении.

В. В. Верещагин. Сартская женщина в Ташкенте. 1873

Общественное положение сартянок по сравнению с другими мусульманскими женщинами. Я коснулся выше загнанного положения сартовской женщины. Сарт и физически, и морально очень напоминает турка. А у турок всякий мальчишка может закричать на свою мать, потребовать, чтоб она закрыла лицо от гяура или чужого. И сарты хвастают, как высшим проявлением своей условной нравственности, тем, что у них «два друга-соседа, если живут рядом хоть 60 лет, тем не менее и в такой громадный промежуток времени никто из них никогда не видит лица жены своего соседа — вот как у нас!» — вызывающе торжественно однажды закончил свою речь один бывалый сарт, бросая мусульманскую тень на наш семейный строй. Несчастная сартянка редко показывается на улице, и то под толстой черной занавеской «чимбет» (как персиянка) из того же материала, из которого приготавливаются волосяные сита. И только когда уже совсем стемнеет, солнце скроется, вечером она иногда выглядывает за ворота, и то крайне боязливо, в полуотворенную калитку. Днем она также иногда сидит на запоре, как турчанка на замке, которым запирает ее муж. Мусульманская идея изоляции и укрывания женщины от постороннего взгляда нашла себе, конечно, еще бóльшую пищу с

приходом русских, по преимуществу холостых людей. Когда я говорил одному сарту, что не годится дар божий — женскую красоту — прятать от людей, он понял совершенно по-своему и саркастически заметил: «А, так вы вот чего хотите! Вот что вам не нравится!..» — все это напоминает нашу домостроевскую мораль XVI века, когда боярыни наши вели такую же затворническую жизнь в теремах под такой же тяжелой ферулой. Памятью слова «терем» осталось только современное слово «тюрьма». Нравы того времени отразились потом даже в воззрениях наших бабушек, боявшихся грамотности как разврата, которые еще в романах 20-х годов из-под многовекового гнета выходили путем целого ряда увлечений, ошибок, частых нарушений супружеской верности, бегств с похищениями и т. д. Эту же школу, с ее градациями, предстоит пройти и мусульманской женщине, только, вероятно, еще с большим трудом.

Как бы ни была велика строгость установлений, из нее всегда существует тот или другой выход, хотя бы и аномальный на первый раз. Так случилось и с теремным заключением женщины. Что касается мусульманства, то нужно удивляться, что случилось то, чего Магомет никак не предвидел. Из турецкого быта мы знаем, например, что когда на женскую половину дома приходят гости, то муж абсолютно туда не имеет права входа, сколько бы там гостей ни было, сколько бы они там ни оставались. Женская половина тогда недоступна для глаза мужа, брата, сына и прочих мужчин. Существуют целые цехи свах, торговков, знахарок, цирюльниц, продавщиц косметики и прочего товара, которые, под женской одеждой, вводят иногда таинственных незнакомцев.

Как бы то ни было, мусульманки у разных народов все-таки поставлены более или менее различно в семейном быту. Татарка, киргизка и турчанка более хозяйки дома, чем сартянки. Татарки и киргизки пользуются большой свободой: первые прикрываются только слегка, и то когда проходят мимо мужчин, киргизки никогда не закрываются. Они даже слишком свободно смотрят на свои семейные отношения... Сартовская семья совершенно разделена на две части, так сказать, расколота: мужчины все время проводят на улице, где и готовят сами себе пищу, где иногда и спят в своих лавках и мастерских, женщины все время проводят у себя дома. Женщины готовят для себя дома отдельно, и даже бывает так иногда, что муж дает ей с семьей какой-нибудь пустяк на пропитание, а иногда и вовсе оставляет на произвол: пусть сами питаются как хотят. Это весьма отражается на питании женщины, как видно из медицинского отчета.

Совершает ли какой-нибудь исторический выход сартовская женщина из своего аномального положения? Совершает, но только, так сказать, в области патологической. Во-первых, на пути освобождения из-под гнета экономического и семейного мы видим ее в протестующем, печальном образе падшей. Особенно униженное положение сартянок сказывается и здесь. Так, например, в захолустных улицах окраин Ташкента есть персы и сарты (бывшие, освобожденные, бухарские невольники), у которых по нескольку жен, и все они им служат как коммерческий материал. Поскольку подобный ненормальный исход из семейного быта, вносящий размножение болезней, разобщит еще более сартовскую семью, — мы увидим в будущем.

Благотворное влияние женщин-врачей на быт сартянок. Но сартянки в то же время уже сделали более нормальный шаг, благодаря появлению женщин-врачей, умножения которых в этих местностях крайне нужно желать и содействовать ему как условию, окончательно покоряющему и умиряющему край. Нигде так не нужна женщина-врач, как в мусульманском мире. Благодаря ей, сартовская женщина вышла уже отчасти из затворничества и, вместо потаенного, вредного знахарства, начинает

пользоваться рациональным лечением. Для жаждущих вернуть нашу женщину к гаремному прошлому здесь мы видим поучительную картину в отношениях между двумя женщинами: свободной и образованной русской и жалкой рабой — сартянкой. Вторая от первой уже усвоила уважение к русской врачебной науке: она в изобилии обращается к ее алтарю. И в этом отношении нужда заставила ее стать сразу выше своего господина, который, получая лекарство, сейчас же иногда выливает его за аптечной дверью, чтоб воспользоваться только бутылочкой: класть в нее свой «насвай».

Это носит печать наивности, напоминающую мне один случай, где, во время моего студенчества, один казанский мужичок, русский, съел рецепт профессора как лекарство и, объявив суровому профессору Судковскому, что лекарство не помогает, привел даже его в веселое настроение. Наивно иногда смотрят лечащиеся и излечивающиеся сартянки на свои отношения к женщинам-врачам; они просят «селáу» (подарок) за то, что ходили лечиться (кстати сказать, этой, «селáу», однако, и в Омске недавно еще прекратился: наши родильницы в казачьем родильном покое еще недавно просили по 2—3 рубля вознаграждения за то, что проходили родить в родильный покой госпиталя).

Факты из воспитания сартовских детей. Для полноты рассмотрения, от женщины-сартянки как матери естественно перейти к ее потомству, к детям. Некоторые сведения из их воспитания я получил из отчетов врачей Пославской и Варшавской. Немаловажным фактором в здоровье самого первого возраста является детская кроватка. Я видел ее однажды. Она есть в то же время и люлька. Г-жа Пославская описывает ее так: кроватка эта немного больше аршина длины и $\frac{1}{2}$ аршина ширины, деревянная, плоская, с вырезанным четырехугольником посередине, немного ближе к ножному концу, укреплена на выпуклых подножках, на которых качается, как люлька, с боку на бок. Ребенка с вытянутыми членами припеленывают к этой кроватке на тоненькой подстилке широкими бинтами, помещая между бедрами камышинку для стока жидкостей. Малютка находится в таком неподвижном положении привязанной чурбашки и без перемены подолгу; часто даже мать кормит его грудью, наклонившись к нему и не развязывая и не вынимая из кроватки. Такое устройство детской кроватки служит часто причиной пролежней у детей. При невнимании матери деревянные края отверстия кроватки давят на спинку, на крестец, вызывая сначала только красноту, а затем и омертвление на ягодицах, у гарне, как на местах наибольшего сдавления. Вложенная камышовая палочка тоже этому помогает. Под влиянием этих условий, омертвление иногда доходит до кости и совершенно обнажает позвонки. В одном случае от давления и качательных толчков на затылке ребенка образовался нарыв, затем тоже перешедший в омертвление, причем омертвел небольшой участок затылочного бугра. Непосредственной причиной было продолжительное однообразное лежание и качание ребенка в жесткой кроватке. Вещь известная, что кроватки эти своим сотрясением и качанием весьма небезразличны для слабого и впечатлительного детского мозга. А кроме того, кроватки эти твердостью и давлением обуславливают, как думает и Наливкин, плоскую форму затылка и вообще довольно нередкую неправильность головы сарт.

Сказанные кроватки пользуются большой симпатией населения: они всегда раскрашены разнообразно, увешаны побрякушками и, вероятно, все дурные последствия их влияния относятся к дурному глазу.

Сравнение сартовской детской кроватки с другими подобными приспособлениями русских инородцев. Сартовские детские кроватки напоминают мне, по своему первобытному неудобству, с одной стороны, полые берестяные кузовья,

в которых наши остячки таскают своих детей, а с другой стороны, черемисский способ пеленания ребенка тоже с вытянутыми руками в одну и ту же большую тряпицу на целый день, в течение которого матери совершают весьма частое кормление, даже не обращая внимания на то, что обоняние и слух давно требуют очищения ребенка. Накопившееся за день содержимое тряпицы наконец вечером выбрасывается вместе с нею в освободившийся котел с горячей водой, где моется и высушивается к утру. Измученные члены ребенка только теперь расправляются и его обмывают в корытце и запеленывают опять до будущего вечера, а котел с утра уже опять играет роль для варения пищи!..

Отроческий возраст сарт и его особенная болезненность. В последующем, так сказать, уличном, детском возрасте сартовские дети больше приводят время в своей уличной компании или около отцов. Им, конечно, не нравится оставаться взаперти дома, в обществе женщин, следовательно, они воспитываются в отроческом периоде по преимуществу вне благотворного материнского влияния. В силу исключительной уличной жизни, преобладающие болезни этого возраста суть болезни глаз: в конце лета и в начале осени у детей развиваются обширные катарры и нагноения внутренних поверхностей век, частью 1) вследствие дыма от «кунджутного» масла — вроде конопляного, любимого у сарт, готовящих себе пищу на улицах и площадях. Этот дым, особенно к вечеру, у непривычных положительно щиплет глаза, пронизывая уличный воздух; 2) глазные катарры детей развиваются от особенной игры в пыль, что констатировано и отчетами женщин-врачей: дети толпой идут друг на друга и бросают противникам пыль в глаза. Игра, без сомнения, вредная, но любимая и национальная, и у сарт существует странное мнение, что эта пыль целебна для глаз.

Недостаток комфорта в жилищах и обуви сарт. Остается сказать еще несколько слов о комфорте в жилищах сарт. У них недостает самого существенного для холодного времени, именно устройства печей. Таким образом, зимой их жилища — плохой приют, и они зябнут в это время едва ли не больше, чем кочевники-киргизы в своих зимовьях. Обыкновенно европейский человек, по пословице, держит ноги в тепле, а голову в холоде, восточный человек — наоборот. Резкий пример этого можно увидеть на волжских пароходах, подъезжая к Астрахани: здесь на палубах в 3-м классе лежит иногда много спящих персов, с закутанными в халаты головами и почти с босыми ногами, — разумеется, обычай этот антигигиенический. Турки точно так же всю зиму ноги обувают очень легко, и в силу этого у них существует благочестивый обычай у богатых — выставлять зимой для проходящих по улицам жаровни с углями — «мангалы». Прохожие попеременно поднимают свои ноги, греют и идут дальше, на что со стороны заезжему смотреть довольно забавно. Сарты ноги свои зимой одевают тоже плохо. В их домах для зимнего времени имеются так называемые «сандáлы» для согревания ног, составляющие причину частых простуд и кожных сыпей вследствие резкого перехода от «сандáла», напр., к уличному холоду. Нечего говорить, что способ этот еще вреден своим угарным воздухом. Вообще, подобные способы согревания относятся к разряду тех же вредных, как изредка практикующиеся грелки на железных дорогах или жаровни у наших торговцев под их стульями.

Сознание сартами несовершенств своих жилищ и сравнение их с теми удобствами цивилизованной городской жизни, которые имеют у себя рядом живущие русские в отношении отопления, освещения, света, мебели, воздуха, распределения комнат, их украшения, разнообразия и полноты питания и т. д. — все это привело сарт к мнению,

выразившемуся почти в ходячей поговорке: «Всякий народ на том свете будет в своем раю, а русскому не будет рая, потому что он на этом свете живет в раю».

Кишлак Махао (проказный квартал). Теперь мы остановимся на некоторых частных явлениях, именно наблюдавшихся нами в сартовской столице — Ташкенте. Когда мы выезжали из него поздно ночью, то бросилась в глаза в одном из отдаленных сартовских кишлаков тень, побрякивавшая в бубны. Очевидно, это было желание привлечь внимание проезжих и получить милостыню. «Что это такое, ямщик?» — «Это кишлак Маха́о». Кишлак этот — поселок или квартал, в котором живут прокаженные. Он для меня уже был не новостью: любопытство раньше тянуло меня увидеть его — и я посещал его с городским доктором (из оренбургских мусульман), который живет в Ташкенте чуть не с самого завоевания и пользуется между мусульманским населением большим авторитетом.

Кишлак Маха́о лежит очень далеко от центра города, отделен от остальных частей города глинистыми ямами и мусорными кучами и представляет беспорядочную группу сартовских домиков, притом очень бедных. Арыки, сообщающиеся с общей сетью арыков города, откуда пьют воду «махаоны», текут вяло, как-то застойно (в одном месте прямо образовалась зеленая болотина), и замечается кругом бóльшая безжизненность зелени, чем в других, близких к Маха́о, местностях, состоящих преимущественно из садов и огородов. Застойность воды в арыках махаонов указывает на упадок их хозяйства и трудовой деятельности. Огородов у них не видно. Живут они нищенством. Прежде ходили в город целой толпой, собирать подаяние. А теперь потребовано от них, чтобы ходили трое выборных. Число всех страдающих «маха́о» до 36; они живут вместе и жалуются, что на это число трое не в состоянии делать достаточный для питания всех ежедневный сбор. Народ они, видимо, мирный, о воровстве или о чем-либо подобном не слышно. Состав их разнородный: мужчины и женщины, местные жители и прибывшие из степных кишлаков. Налицо при посещении оказалось человек 10, остальные, вероятно, попрятались, по крайней мере молодые женщины показывались только издали. Язвенных форм страдания я не видал, а больше узловатые и рубцовые. С язвами, говорят, ходят по базару показывать их и вызывать сердоболие публики. Из наличного числа обратил наше внимание один, ближайше вступивший в беседы с моим спутником. Это был приземистый сарт, с длинным, темноватым и узловатым лицом, с приплюснутым, вследствие болезни, и утолщенным носом (носы и при самом сильном поражении не приобретают того обезображения, как при сифилисе). В полости рта его, на твердом и мягком небе, тоже рассеяны были проказные узлы. Выдыхаемый им воздух был кисло-вонючий, напоминающий сифилитическую озену. Он постоянно сморкался и, хотя не было жарко и не видно было мух, постоянно махал вперед себя платком, что было весьма неприятно при близкой беседе с ним. Мне, быть может, справедливо, пришла тогда неприятная мысль, что больной это делает с умыслом, имея желание передать свою заразу окружающим. О прокаженных действительно рассказывают, что они злы и мстительны, мстят обществу за свою отверженность, что они любят прикасаться к людям, ищут целовать детей и т. д., шпионствуют, зорко выслеживают вновь заболевших, чтоб сейчас же требовать их в свою злополучную колонию. Разумеется, к этому призывает их и материальный расчет.

Затем я видел еще одного с узлами на лице, руках и ногах, видел двух старух лет под 60, одна из них больна уже, кажется, с 20-го года жизни. Видел молодых женщин, бледных, весьма анемичных, с вывороченными веками и перекошенными ртами,

вследствие рубцового процесса. Сказанные старухи, особенно одна из них, представляли скрюченные, атрофированные верхние конечности с отпадшими, вследствие рубцевания, кистями. Одна нога вместо стопы имела, по той же причине, культю, и больная прыгала с костылем на одной ноге. Болезнь идет годами и очень постепенно, начинаясь с выпадения всех волос.

Вообще, все виденные субъекты оказывались истощенными, отчасти, вероятно, и от плохого питания, с членами более или менее атрофированными, с жалобой на слабость сил, изнеможение и невозможность работать. Ведут они семейную жизнь, но производительная способность отсутствует: детей в этом кишлаке нет. А хотелось бы иметь детей — без них им скучно.

Что касается степени заразительности вообще и в отношении русских, то приводят, за все время существования Ташкента в русских руках, только один пример заражения проказой одного офицера, вскоре после завоевания Ташкента. Больной этот уехал в Петербург и, кажется, помер в клинике. С тех пор о заражении русских не слышно. Не слышал я и из рассказов больных случая очевидного, яркого перехода от одного субъекта к другому. Зараза как будто переходит не от людей на людей, а с каких-то предметов, если она самостоятельно не развивается. Так, прибывшие вновь больные из степи вовсе не знают, откуда они могли заразиться. Народ, по-видимому, не особенно считает эту болезнь заразительною: рабочие сарты для «махаонов» и глину месят, и дома строят, и нечистоты их вывозят, и арыки им копают, видимо, совсем безбоязненно. Конечно, и деньги от них получают за труды. Кроме того, кажется, некоторые из прокаженных делают из лучинок зубочистки и продают их на рынке. Все-таки не следовало бы этого допускать, если это так.

По всем видимостям, современная проказа — вовсе не та, страшно заразительная, болезнь, о которой сохранились библейские предания. Очень вероятно, что тогда в понятиях людей смешивалось все воедино: и проказа, и сифилис, и даже другие болезни. Теперь же, если бы проказа была заразительна, или очень заразительна, то в таком большом населении, и только при мнимой изоляции, давно бы болезнь распространилась в массе случаев. А между тем этого нет. Таким образом, остается пожалеть, что, несмотря на древность этой болезни, ничего больше не придумано, кроме плохого карантина. Болезнь эта отталкивает своим безобразием, а между тем она, вероятно, гораздо менее заразительна, чем сифилис и чахотка, разгуливающие на свободе в массе населения и вовсе не состоящие под такой тяжелой исторической несправедливой опалой, как проказа. По всей справедливости и гуманности, следовало бы для этих больных устроить отдельную богадельню с больничкой. Для Ташкента, с его громадной торговлей, это не было бы разорительно. А между тем контроль был бы несравненно энергичнее.

Ташкентская тюрьма и тюремная мусульманская чистоплотность вообще. Теперь несколько слов о Ташкентской тюрьме. Это учреждение чуть ли не единственное по своей оригинальности в России. По архитектуре представляет скорее приличный довольно замок с башенками и с изящными воротами, через которые видно внутреннее устройство двора, посреди которого аллеями посажены большие деревья, дающие хорошую тень. В самом деле, наш крестьянин целый век готов сидеть без растительных украшений. Не то сарт, составляющий главное население немногочисленной Ташкентской тюрьмы. Без деревца для него жизнь становится совершенно невыносимой. При жарком климате тюремные деревья распространяют свою тень одинаково на злых и благих, как светит солнце для всех. Для администрации и караула тень тоже

существенно необходима. Без тени там нет и отдыха. В углублении двора есть прудок, огороженный местными циновками, в этом прудке желающие купаются и водою его совершают свои религиозные омовения. Русских арестантов там почти не видно было. Были только еврей с женой, судившиеся за атропинизированное пиво. Женщин было 2. Моральное состояние заключенных сарт более угнетенное, чем обыкновенно это бывает у русских. Причина, понятно, в большей любви первых к вольной природе. Сарты ведь и живут на улицах, а тут заключение по ночам в каморах, с обычными «парашами»!.. Конечно, все это вдвойне для них тяжело, и отчаяние одной сартовской семьи цветущих здоровья и сил, состоящей из отца со взрослыми сыновьями, судившейся, по-видимому, за родовую месть и отправляемой на каторгу, — для меня было вполне понятно. Весь ужас ее состоял в предстоящем лишении благодатной теплоты южного солнца, прелестей бирюзового неба и роскошной многоцветной зелени юга. Вместо всего этого ждала их в суровой новой стране верная злая чахотка, пожирающая у нас почти всех южан в ссылке на Север и в северных тюрьмах и каторге [будущее арестантов — сарт Ташкентской тюрьмы напомнило мне, гибнущих от чахотки в Тобольской тюрьме массаи, несчастных кавказских «оглы»]. (Зная это, весьма бы полезно было руководиться вопросом о климатической приспособленности людей к той или другой стране). Заключенные сарты производили впечатление большой гигиенической добропорядочности. Когда мне был указан клозет с чистейшим полом, имеющим небольшое специальное отверстие, то я, войдя в него, никак не мог угадать значение комнаты и изумился той необычайной чистоте, которая поразительна по сравнению с русским неряшеством в подобных условиях. Личная чистоплотность составляет уже почти прирожденное свойство мусульман. Изобилие свежей воды около и свежего воздуха открытых жилищ их часто идут на помощь контролю обоняния и зрения. Я не хочу сказать, что они представляют образец чистоплотности, нет: они только следят больше за личной, ближайшей чистоплотностью. А в остальном такие же неряхи, как и русские, вываливающие всякий мусор на задах главных улиц, в переулках, как я это видел недалеко от штаба, в переулках близ протекающей речки. В силу желания ближайшей около себя чистоты сарты скорее выбросят грязь или отброс на улицу, чем будут оставлять у себя. Для нечистот они, как и турки, роют многосаженные круглые ямы, в которых отброс падает очень глубоко. По мере надобности ямы эти заваливаются. Подобная потребность в чистоте окружающего подмечена мною у киргиз в Семипалатинской тюрьме, которые никак не желают пользоваться клозетами, а ходят под открытое небо: «У нас такой закон», — говорят они. И я понимаю, что они избегают заражать воздух своего, и без того неприглядного, жилья. Между тем, русские даже в древности прославились сказочным «фу, фу, фу, русский дух!», приветствующим всякого входящего с переднего крыльца, и даже в наше время довольно вкусившие от цивилизации люди думают, что отбросы в обычных мелких ямах можно безнаказанно держать при доме целыми месяцами, а в тюрьмах и больничных арестантских палатах у подневольных людей держать в жилом помещении отвратительные «параши».

В камерах Ташкентской тюрьмы нет коек, а есть узенькие, на шарнирах, днем обязательно откидывающиеся к стенам, скамьи, на которых и спит каждый отдельно. Скамей для сиденья очень мало, сравнительно с числом людей, да они и слишком узки (в ладонь шириной), чтоб можно было на них посидеть как следует. Очевидно, рассчитано, что восточные люди сидят преимущественно на полу. Но пол довольно холодный и, быть может, от этого налицо было несколько случаев ревматизма.

Молитвенные сеансы «джагер». Бывши в Ташкенте, я, руководясь описанием г. Пантусова в его печатающейся у нас статье «О религиозных сеансах ордена Джагрие-

Кадрие», посетил с моим почтенным спутником, которому я остаюсь весьма признателен, одну из мечетей людных базарных улиц, где я увидел, если так выразиться, молитвенную гимнастику — «джагер», как мне ее называли. День был праздничный у мусульман, и около часу дня мы подъехали к небольшой калитке, через которую видна была во двореке мечети масса стоящих и сидящих с какими-то мрачными лицами. Как только мы проникли в калитку, стали нам слышны из мечети, с одной стороны, постоянный пронзительный крик, а с другой — прерывающиеся возгласы многолюдной толпы с примесью перемежающихся, сдавленных вздохов и хрипов. Слуховое впечатление для непривычного было более чем странное, довольно тяжелое. При вступлении в мрачную старую, закопченную временем, мечеть, оказалось, что в левой ее стороне, соответствующей нашему алтарю, стоял сгорбившийся, худой, длиннородый, с красным лицом, старик, из всех сил, пронзительно, выкрикивающий по книге проповедь старого туркестанского проповедника («красноречивого, как Златоуст» — говорил мой спутник), гремевшего лет 300 назад. Проповедь, сколько можно было догадываться, состояла в изложении потребности для правоверных добрых дел, ввиду их греховности, в описании этих грехов и страданий подвижников и паломников. Читавший старик не щадил ни голоса, ни декламации, ни жестов, состоящих преимущественно в скорчивании всего туловища, причем голова с книгой в руках чуть не до полу опускалась вниз, затем туловище распрямлялось и, при новом крике, попеременно руки с книгой вытягивались вперед и вниз и т. д. В особенно рельефных местах, сидящие по-восточному слушатели, наполнявшие всю мечеть, стонали, вскрикивали, качали головами, издавали особенный звук соболезнования языком и даже хрипло-истерически плакали. В конце концов толпа, преимущественно из стариков, совсем казалась массой больных, расстроенных морально, людей: так действовала на них проповедь и усердие лектора. Только отдельно дисгармония с общим тоном проскользнула в деланных выражениях лиц некоторых присутствующих и в протягивании к слушателям руки лектора, после самых чувствительных мест проповеди, для получения гонорара из доброхотной медной монеты.

Когда кончилась проповедь, встал на ноги хор певцов средних лет, запевших ритмические кантаты. Старик присоединился к этому хору и подвижнее прочих отмечал ритм движением туловища вперед. Тогда же, из впереди сидящих, выделилась группа, усевшаяся в круг. Группа эта стала подпевать ритмическое окончание стихов и двигаться, постепенно увеличивая поклон, подобно тому, как делают в Восточной Сибири некоторые шаманы, стоя на ногах и приводя себя в состояние головокружительной экзальтации. Хор очень большой, постепенно усиливал громкость пения и быстроту темпа; пропорционально этому, учащались и усиливались поклонные движения круга добровольных подвижников, между которыми виднелись, рядом, отжившие иссохшие старики и толстые, мясистые торгующие сарты. Пение еще более убыстрялось, голос бывшего лектора почти покрывал прочие голоса — подчиняясь невольным звуковым впечатлениям, возбужденный уже достаточно, круг еще больше убыстрял свои движения, слышались уже в нем только отдельные слова припевов или просто отдельные звуки и придыхательные хрипы. В глазах зрителей, с непривычной быстротой, мелькали тюбетейки и падали ниц к земле туловища сидящих в кругу. Остальная толпа, молча, полубезучастно, смотрела на это занимательное упражнение. Сам хор предстоящих начинал приходиться в состояние возбуждения, что обнаруживалось в начинающихся движениях самого хора: тюбетейки и чалмы круга были сняты, лица все обливались потом, халаты были как будто под проливным дождем. Некоторые в качающемся кругу уже чувствовали упадок сил и начинали путаться в движениях, грудь

неравномерно дышала, пение давно прекратилось, слышались в кругу только ритмические тяжелые выдохи, на некоторых лицах выступала мертвенная бледность. По мановению высокого старика, хор начинал разрезать свой темп и ослаблять силу пения в большой постепенности. Некоторые в кругу еще раньше, в бессилии, остановили свои движения и приводили в порядок расстроенное дыхание, сердцебиение, костюм; некоторые, еще до окончания сеанса, пришли в истерический плач и стали умиленно обниматься с своими соседями. Один старик, по-видимому, психически тронувшийся, раньше кончил участие в общем хоровом движении и, войдя в круг, на корточках как-то изумленно прыгал вокруг, то бросая туловище в стороны, то останавливаясь по временам перед некоторыми участниками круга. Я должен сказать, что движения участников круга были чрезвычайно энергичны, под конец совершались напором всей наличной мышечной силы, и нужно было удивляться привычке и выносливости, особенно потому, что это было в жаркий августовский день и продолжалось ровно 1/2 часа. Всего более для меня непонятна была рассчитанность движений некоторых, при всем их азарте. Такое явление больше всех обнаруживал массивный, с буйволиной шеей, средних лет сарт, производивший самые отчаянные размахи туловищем и особенно головой, разбрасываемой вперед, назад и в стороны, причем огромная голая голова двигалась как самый наисвободно бросаемый шар. Сзади его помещалась колонна; голова, отбрасываемая назад со всей силой, не достигала до колонны только на 2 миллиметра. Удар о колонну был бы самый тяжкий, оглушительный, и, тем не менее, ни разу голова не коснулась столба.

В заключение этого скажу, что, благодаря замечательной выносливости, весь этот орден добровольцев в короткое время пришел в себя, как ни в чем не бывало.

Замечательные учреждения в Ташкенте. Теперь остановимся на явлениях русской жизни тоже в Ташкенте, возбуждающих лучшие, отрадные мысли. К числу симпатичных явлений должно отнести: обставленные прекрасно, гигиенически обширные гимназии с большими садами и цветущим видом учеников; сюда же отнесем и учительскую семинарию, имеющую летнее помещение для учеников в саду; лечебницу для приходящих женщин — сартянок по преимуществу, организованную руками женщин-врачей от города.

Ташкентский военный госпиталь, за неимением городской больницы, составляет общее лечебное учреждение для военных и частных, гражданских лиц. Обставленный двойным комплектом врачей, по сравнению с нашим Омским госпиталем, находящимся с ним в одном классе, госпиталь этот имеет, общее для всех больных, летнее помещение с бараками, версты за 3 за городом, с садом и арыками, в зданиях бывшей хлопчатой фабрики, пожертвованной госпиталю. Зимнее помещение очень обширно, с многими, правда, старыми, зданиями. Аптека очень благоустроенная и очень большая, с присоединенной к ней химической лабораторией для решения разных медико-юридических, токсикологических вопросов в крае. Между многими больными, расположенными в бараках, и которых осмотреть всех не хватило времени, выдающееся число падает на истощенных поносных больных — больное место края. Что касается сифилиса, то он замечательно ничтожен в военном сословии, благодаря климату и должному лечению. Другое дело в населении, где при ненадлежащем лечении или даже вовсе, подчас, без лечения, сифилис может давать очень тяжелые формы, вопреки неблагоприятствующим ему климатическим данным.

В Ташкенте имеется замечательное учреждение, которому мог бы позавидовать и университетский город — я разумею прекрасную, самостоятельно существующую, обширную обсерваторию, построенную на возвышенности за городом.

Тут же производятся и разнородные метеорологические и почвенные исследования, и можно всегда желающим пользоваться весьма любезной готовностью служащего

персонала для получения тех или других нужных сведений. Таким образом, остается позавидовать, что в только что завоеванном крае есть такое учреждение, которое еще неизвестно когда будет устроено в Сибири — этой старшей, но нелюбимой дочери нашей метрополии.

Закончу советом всякому, бывающему в Ташкенте, осмотреть местные музеи и библиотеку, находящиеся в одном обширном с многочисленными отделениями доме. Наш музей и наша библиотека при нем — слабое подобие. Библиотека Ташкентского музея чрезвычайно богатая, обильная фолиантами, в числе которых есть арабские и персидские сочинения, латинские сочинения времен XVI-го и XVII-го столетий, затем, масса научной современной литературы [есть там еще и частная библиотека с читальней]. Словом, каталог книг богатейший, и я тут только увидел массу сочинений по востоковедению, частью местных авторов. Главный материал современной получаемой журналистики составляют книги и журналы по естествознанию и географии. Медицины почти нет, что меня несколько удивило, потому что в потребителях недостатка нет: Ташкент изобилует врачебным персоналом. Музей ташкентский роскошнейший и по преимуществу состоит из памятников сартовской старины и их разнородных, прежних и теперешних, изделий, разнообразие которых так велико, что трудно передать словами, а нужно видеть на деле. Довольно разнообразен также и геологический материал; между местными породами бросается в глаза топаз (один кристалл в человеческую голову). Между оружием сартовских независимых старых времен немало, чудовищных размеров, ружей — мултуков. Много шлемов, кольчуг разных, аппараты для приготовления пуль и картечи, масса древних и еще недавних монет, множество древней и настоящей глиняной посуды, с украшениями, трубок, разнородных украшений, статуэток, продуктов и материалов по сельскому хозяйству, огородничеству и шелководству сарт, с многими образцами материй и проч... Всего много, все поражает разнообразием и, несмотря на обширное помещение, путаешься в тесной расстановке предметов.

Вот сколько хорошего в этом богатом и счастливом городе, а будущее его еще лучше: ему неизбежно суждено быть, по всем наличным данным, университетским городом, откуда, быть может, взойдет заря свободы сартовской женщины, когда первая из них торжественно вступит под своды будущего научного святилища. Нравственные оковы тысячелетий спадут, и имя русских благословят благодарные поколения степных народностей.

П. В. Путилов. Из путевых этнографических наблюдений совместной жизни сарт и русских. (Сообщение чл.-с. Запад.-Сиб. отд. Импер. Рус. геогр. общ. П. В. Путилова, читанное в заседании Отдела 26 октября 1887 года). — Омск, 1887.